

В ХОРОШЕМ ИЛИ В ПЛОХОМ СМЫСЛЕ
– ОБ ОДНОМ ИЗ СПОСОБОВ ВЕРБАЛИЗАЦИИ АКТА ОЦЕНКИ

IN THE GOOD SENSE AND IN THE BAD SENSE
– ON ONE OF THE WAYS OF VERBALIZING THE ACT OF EVALUATION

PAULINA BORTNOWSKA

ABSTRACT. Structures *in the good sense* and *in the bad sense* are one of the ways of verbalizing the act of evaluation. What is interesting from the psycholinguistic point of view is their potential to activate a “backward” evaluation of concepts that are well established in the system of language that lies hidden in these structures, on the one hand, and the elements of the dynamics of axiomatic processes in the language that reflect social and cultural changes that can be revealed by them, on the other hand.

Keywords: sense, meaning, evaluation, axiomatic semantics

Paulina Bortnowska, Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, Poznań
– Polska, pkbortnowska@gmail.com

Человек и разные аспекты его языковой и рече-мыслительной деятельности уже долгие годы находятся в центре внимания лингвистических наук. Выявление механизмов классификации и категоризации, в рамках которых происходит процесс приписывания смысла отдельным элементам окружающей действительности, описание процессов интерпретации человеком мира и его составляющих, а также исследование отражения этого процесса и его эффектов в языке – это проблемы, которыми занимаются психолингвистика, социолингвистика, этнолингвистика и когнитивная лингвистика.

В данном контексте стоит, на наш взгляд, обратить внимание на вопрос соотношения понятий значения и смысла и их функционирования в языковом сознании говорящих. Языковое значение, т. е. „свойство знака нести какую-то информацию” [Алефиренко 2003: 19], будучи постоянным и довольно стабильным элементом системы языка, в некоторой степени противопоставляется смыслу, являющемуся актуальной, ситуативно обусловленной и тем самым легко меняющейся „ценностью, значимостью предмета для субъекта” [Алефиренко 2003: 19]. С другой стороны, будучи общезыковой категорией и „основной единицей сознания” [Алефиренко 2003: 19], значение и его пони-

мание необходимо для субъекта в процессе познания действительности и определения места, занимаемого в ней конкретными объектами. Только тогда человек может верифицировать свои знания и представления об этих объектах и, в итоге, определить для себя их смысл.

С психолингвистической точки зрения, на наш взгляд, интерес представляет наличие в языке разного рода конструкций, в которых вербализируется факт совершения индивидом процесса интерпретации и осмысления результатов процесса познания. *На мой взгляд; по-моему; мне кажется; я считаю, что; я уверен, что* — это лишь некоторые из богатого репертуара средств выражения собственной точки зрения относительно какого-то факта действительности. Среди них особое место занимают конструкции, информирующие не только о самом факте произведения оценки, но и несущие гораздо более объемную информацию о всестороннем восприятии интерпретируемого и оцениваемого явления, а именно: выражения *в хорошем смысле* или *в плохом смысле*.

Появление похожего рода конструкций в высказываниях, на наш взгляд, можно воспринимать как доказательство того, что использующий их автор обладает определенными знаниями метаязыкового характера. Во-первых, употребляя выражения *в хорошем смысле* или *в плохом смысле*, он информирует, что понимает: единицы языка, будучи вербальным отражением фактов окружающего мира, могут обладать разным смыслом. Причем не только или хорошим, или плохим, ситуативно обусловленным, — разным, в зависимости от конкретных условий. Если нужно сообщить, что в данном контексте то или иное слово должно вызывать или хорошие, или плохие коннотации, значит, во-первых, оно обладает как положительным, так и отрицательным коннотативным потенциалом. Во-вторых, употребляя данные конструкции, говорящий связывает категорию смысла с категорией оценки, материальным выражением которых являются слова *хороший* и *плохой*, или их синонимы, напр. *худой*, напр.: *Мне самому такие люди противны и жалки не в хорошем смысле, а в худом, особенно когда они имеют какие-то воображаемые убеждения...*¹

Немаловажным представляется и то, что обсуждаемые конструкции содержат информацию о понимании говорящим места, занимаемого конкретными словами в общей системе языка, осознании их общего лексического значения, самых распространенных рече-текстовых реализаций и определенного, связанного с ними, ассоциативного по-

¹ Этот и все приводимые далее контексты были извлечены из основного подкорпуса Национального корпуса современного русского языка: www.ruscorgora.ru (28.09.2017).

ля. Ведь если нужно сообщить, что в данном контексте, высказывании данное слово появляется в хорошем или в плохом смысле, то такое употребление представляет собой отклонение от нормы, общепринятых правил. Говорящий обладает типичным представлением о данном слове, существующем в сознании других участников процесса общения, и сообщает о том, что намеревается выйти за рамки этого представления, актуализировать новые, неклассические, неожиданные, но все-таки потенциально возможные семы. На наш взгляд, такое языковое поведение может быть мотивировано двумя факторами. С одной стороны, это стремление вербально подчеркнуть новизну и оригинальность собственной интерпретации определенных объектов действительности, но с другой стороны, – это и желание, и стремление к тому, чтобы этот нестандартный прием не остался непонятым, или же в более широкой перспективе, чтобы самого говорящего не обвинили в непонимании употребляемых в речи слов. Именно об этом, как кажется, свидетельствуют появляющиеся в контекстах дополнительные, развернутые пояснения в виде синонимических слов или экземплификаций, ср.: *Оказалось, что она не умеет строить отношения, а ему не хватает умения ее „ломать” (в хорошем смысле слова, то есть управлять ею!); Если вы хотите иметь действительно элитный (в хорошем смысле этого слова, то есть нестандартный, красивый, интеллигентный, если угодно) сад, то перечисленные выше проблемы могут быть решены использованием теневыносливых растений; Обывателю (в хорошем смысле слова обывателю, это слово не ругательное – это обыкновенный человек, такой, как я, как мой менеджер, издатель) – обывателю приятно, что человек ковырялся сначала скальпелем внутри, а теперь он ковыряется... нехорошее слово – „ковыряется”.*

Учитывая эти общие психолингвистические и коммуникативные аспекты употребления в речи конструкций *в хорошем смысле* и *в плохом смысле*, мы проанализировали все помещенные в основном подкорпусе Национального корпуса русского языка контексты, которые содержат конструкции *в хорошем смысле* и *в плохом смысле*².

В результате извлечено 165 контекстов, среди которых 150 содержат фразу *в хорошем смысле*, 9 – *в плохом смысле*, 2 – *не в плохом смысле*, 1 – *и в хорошем, и в плохом смысле*, 1 – *не в хорошем, а в худом смысле*, 1 – *не обязательно в плохом смысле*. На основании анализа собранных контекстов мы попытались найти ответ на вопрос об аксиосемантическом потенциале конструкций *в хорошем смысле* и *в плохом смысле*. Для этого проанализировали те слова, которым авторы собранных высказываний приписывали „хороший” или „плохой” смысл.

² Национальный корпус русского языка: www.ruscorpora.ru (28.09.2017).

Итак, из собранного материала, насчитывающего, как было отмечено, 165 контекстов мы извлекли 158 слов и конструкций (устойчивых словосочетаний, фразеологических или идиоматических единиц разного характера, напр.: *взять в оборот, взять в плен, вынос мозга, высокое самомнение, закрутить гайки, протянуть ноги, социалистический реализм* и др.). Из 158 эксцерпированных единиц 145 появлялись в контекстах исключительно с положительными модификаторами (*в хорошем смысле* или *не в плохом смысле*), 11 — в сопровождении отрицательных модификаторов (*в плохом смысле* и *не в хорошем, а в худом смысле*) и 2 — с двойным модификатором (*и в хорошем, и в плохом смысле*) или же с нечетко выраженным модификатором (*не обязательно в плохом смысле*).

На следующем этапе анализа мы сопоставили полученные текстовые данные с лексикографическими, определили, какие категории слов — с оценочным или с нейтральным значением — преобладают в накопленном материале, а также в случае единиц с оценочным значением, какими оттенками значения они способны обладать согласно лексикографическим данным и какие приписывают им авторы анализируемых высказываний.

О присутствии оценочного компонента значения помещенной в словаре лексической единицы можно судить на основании трех показателей. Самым наглядным и непосредственным является наличие в дефиниции стилистической пометы, означающей, что в данном слове „содержится соответствующая эмоциональная, выразительная оценка обозначаемого явления” [Ожегов 2003: 8]. К таким пометам следует отнести: „(презр.), т. е. презрительное, (неодобр.), т. е. неодобрительное, (пренебр.), т. е. пренебрежительное, (шутл.), т. е. шутливое, (ирон.), т. е. ироническое, (бран.), т. е. бранное, (груб.), т. е. грубое” [Ожегов 2003: 8], напр.: *‘скоморох – разг. неодобр. несерьезный человек, потешающий других своими шутовскими выходками’*³ [Ефремова 2000]. Оценочный компонент значения конкретной лексической единицы может также находить свое материальное выражение в обладающих оценочным значением словах-компонентах словарной дефиниции, напр.: *‘врать – 1. лгать, говорить неправду, 2. действовать неправильно, неверно; фальшивить, 3. выражение несогласия, протеста, уверенности в себе, 4. болтать, говорить вздор’* [Ожегов, Шведова 2000]; *‘романтика – то, что содержит идеи и чувства, эмоционально возвышающие человека; условия жизни, обстановка, действующие эмоционально-возвышенному мироощущению’* [Ожегов, Шведова 2000]. И, наконец, о присутствии оце-

³ Отметим, что среди всех проанализированных слов и выражений лишь слово *скоморох* появилось в словаре с пометой, указывающей непосредственно на оценочный аспект значения.

ночного компонента можно судить на основании ступенчатой верификации значения лексической единицы (о методе ступенчатой верификации значения лексических единиц см. шире: Котцова 2002: 28). Например, в толковании слова „традиционализм“ не находим формального выражения оценочности: *‘традиционализм – приверженность к старым традициям’* [Ожегов, Шведова 2000]. Однако уже результаты ступенчатой верификации позволяют обнаружить наличие оценочных сем: *‘приверженность – см. приверженный’* [Ефремова 2000], *‘приверженный – преданный кому-л., чему-л., целиком отдающийся кому-л., чему-л., очень склонный’* [Ефремова 2000], *‘преданный – проникнутый любовью и верностью к кому-л., чему-л.’* [Ефремова 2000], *‘старый – 1. долго бывший в употреблении, 2. достигший старости, 3. старинный, древний, 4. прежний, не современный, устаревший, 5. не являющийся новичком, давно где-нибудь находящийся, живущий, работающий, 6. бывший прежде чего-нибудь другого, предшествующий, 7. уже не действительный, негодный, 8. давний, существующий с давнего времени, долго, 9. о том, что давно известно, не ново’* [Ожегов, Шведова 2000], *‘традиция – 1. то, что перешло от одного поколения к другому, что унаследовано от предшествующих поколений (напр. идеи, взгляды, вкусы, образ действий, обычаи), 2. обычай, установившийся порядок в поведении, в быту’* [Ожегов, Шведова 2000].

Как можно было предполагать, в собранном материале значительно преобладали слова и выражения с вербально выраженными в словарных дефинициях оценочными компонентами – их 104. Среди них, в свою очередь, появлялись преимущественно слова и выражения с отрицательной семантикой – это 54 единицы, такие, как, напр., *авантюра, агрессивный, бюрократ, возмутитель, гастролер, закрутить гайки, консервативный, мещанин, обалдеть, ограниченный, плесень, противный, совать свой нос, сожрать, сумасшествие, тянуть одеяло на себя, честолоубивый* и др. Количество единиц с положительным оценочным значением составило 37, напр., *герой, гибкость, идеальный, классика, нормальный, оригинальный, патристический, порадовать, профессионализм, реалист, свободный, терпимость, элитный* и др. В случае 13 единиц мы обнаружили их способность передавать как мелиоративную, так и пейоративную оценку, напр., *интеллигент, патриархальный, самолюбие, фанатик, хитрый*.

С точки зрения контекстуальной реализации оценочной семантики этих единиц, подавляющее большинство (95 единиц) получили модификатор с положительным значением. Причем этот квалификатор мог служить как средством сообщения об обратной оценочной семантике конвенционально отрицательно-оценочной единицы, напр.: *Поэтому расслабляться нельзя – манера преподавания главного героя*

очень понравилась – корректная, в то же время **агрессивная в хорошем смысле** этого слова; Опыт работы Николая Дмитриевича главой администрации края позволит ему **„закрутить гайки“** в администрации президента **в хорошем смысле** этого слова.; Свидетельство аккуратности, порядка и **педантичности в хорошем смысле** слова, которой нам так часто не хватает; Цифровые технологии проникают всюду, они должны все **сожрать** (это я **в хорошем смысле** слова) и определить наше дальнейшее развитие; Мужик он умный, но **упертый, не в плохом смысле**: у него есть принципы, от которых он не откажется – **хоть сожги его!**; активизации положительного восприятия слов с двойной оценочной семантикой, напр.: Очень русский человек, очень **интеллигент русский – в хорошем смысле**, очень с устремлениями влево, но без малейшей грубости, жестокости позднейшей левизны русской; „Каторжане“ в форме хаки – энтузиасты и **фанатики в хорошем смысле** слова; Очень светский, образованный человек и весьма хитрый, но **хитрый в хорошем смысле** этого слова; так и усиления мелиоративного оттенка значения модифицируемого слова, напр.: Положительно можно сказать, что это был **герой в своем, исключительном роде**, и **герой даже в хорошем смысле** этого слова; Смотри на жену, как смотрел на невесту, знай, что она каждую минуту имеет право сказать: „Я недовольна тобой, прочь от меня“; смотри на нее так, и она через девять лет после твоей свадьбы будет внушать тебе такое же поэтическое чувство, как невеста, нет, более поэтическое, более **идеальное в хорошем смысле** слова; Цена и условия, которые действительно **порадуют Вас в хорошем смысле**. В проанализированных контекстах мы обнаружили 7 единиц с пейоративным модификатором, причем 3 из них обладали общеязыковой отрицательной семантикой: Тут с неизбежностью возникает совершенно идиотский, даже какой-то **в плохом смысле детский вопрос** – за что?; Мне самому такие люди **противны и жалки не в хорошем смысле, а в худом**, особенно когда они имеют какие-то воображаемые убеждения...; и всего лишь 2 единицы – с двойным или нечетко выраженным модификатором: **Китайцы, может быть, немного хитрее, не обязательно в плохом смысле** этого слова, но хитрее; То, что я много, много более **живой. В хорошем и в плохом смысле**.

Единиц, оценочность которых можно выявить методом ступенчатой верификации значения, в нашем материале выделено 24. Среди них 13 обладали традиционно отрицательной семантикой, напр., **авантюризм, бабство, взять в оборот, вынести весь мозг, протянуть ноги**, 6 – положительной: **академический, антиспамер, быть на ты, демократизация, компромисс, чувство локтя** и 5 могли, по лексикографическим данным, передавать как положительный, так и отрицательный виды оценки: **интимность, националист, странник, традиционализм, традиционность**. С точки зрения текстовой реализации, 22 единицы получили

в контекстах положительные модификаторы, причем как и в случае предыдущей группы, функция модификатора могла сводиться к передаче обратной оценочной семантики модифицируемого слова, напр.: Умные, сильные телом и духом люди, **авантюристы в хорошем смысле** этого слова; Вчера привела в свою свежестроенную квартиру дизайнера-архитектора, за 15 мин она мне **в хорошем смысле** этого слова **вынесла весь мозг**. Стоооолько идей начала набрасывать, я сама бы и близко ничего подобного не смогла б родить в своей нетворческой голове; Впрочем, позволить себе роскошь **протянуть ноги – в хорошем смысле** этого слова – решаются далеко не все театралы; к выбору нужного оценочного аспекта, напр.: После „Музыкального магазина“ наш оркестр увеличился вдвое, возникла балетная труппа из сорока девушек, и в нашем представлении появилось что-то фундаментальное, солидное, оно утратило легкость, камерность, лиричность, **интимность в хорошем смысле** слова; Теперь это менеджер высочайшего уровня, который, как считает Путин, за это время стал и „националистом“ – **в хорошем смысле** этого слова; Также сохранит свое значение книга, личная библиотека – именно потому, что они несут в себе результат личного индивидуального выбора, и в силу их красоты и **традиционности в хорошем смысле** этого слова; или же к интенсификации мелиоративного значения: Но как странно они прогрессируют не в сторону **демократизации, в хорошем смысле** этого слова, не в сторону осуществления новых методов тюремного содержания; Молодые родители с их заботами – тоже „**антиспамеры**“, но **в хорошем смысле** слова. Отрицательный модификатор появился в случае всего лишь 2 единиц, из которых одна обладала традиционно мелиоративным, а вторая – традиционно пейоративным значением: Павлов прав – совершенно необходимо, превращает, однако, этот последний вопрос в „*akademische Frage*“, **в академический (в плохом смысле** этого слова) вопрос; Эти мужские штучки не являются украшательством, украшением, **бабством в плохом смысле** слова, нет!

Собранный и проанализированный материал насчитывал также 30 единиц, которые, по лексикографическим данным, обладают нейтральным не-оценочным значением. Это такие слова, как, напр., актерский, английскость, беллетрист, витрина, восточный, еврейский, заниматься, конъюнктура, потомство, резиновый, структурализм, церковность и др. Любопытно, что подавляющее большинство – 28 единиц – появились в контекстах с положительным модификатором, напр.: Землетрясение „**обнажает сущность людей, лишившихся своего контекста, своей культуры**“ – это суждение гуманиста, культуролога, **беллетриста (в хорошем смысле** слова); Но с другой стороны – и „Зоопарк“ тоже, только на бытовом уровне, – **бытовом не в плохом смысле**, а по разрабатываемым темам; Не секрет, что страна, покупающая у России большие объемы оружия, должна быть уверена, что РФ будет вести себя предсказуемо, что она не вторгнется

в зону интересов партнера, будет в хорошем смысле сотрудничать в данном регионе по линии ООН; Я себя чувствую им в хорошем смысле отменным: не нужен при таком много говорящем, талантливо, блестяще, еще один говорящий, нужен молчащий (молчание у Г. как раз слабое место), и молчащего Г. не отменяет; Причем без всяких протоколов, голосования, если хочешь, по-семейному, в хорошем смысле этого слова. Всего лишь 2 единицы этой группы приобрели отрицательную модификацию: А теперь понял, что они на самом деле резиновые. В плохом смысле; Нужно весь этот „дебат“ освободить от „клерикальщины“, „церковности“ в плохом смысле этого слова (оборот Церкви на себя) — от вопросов о „правах“ женщины в Церкви, о том, что она может „делать“, каково ее служение в церковных, то есть клерикальных, структурах. Нельзя, однако, не заметить, что в приведенных выше примерах слов с нейтральным, по словарным данным, значением, ощущается большой коннотативный потенциал. На наш взгляд, этот потенциал связан непосредственно с высокими коннотативными возможностями лексико-семантических полей, к которым можно отнести эти единицы, и контекстов, в которых они функционируют.

Подводя итоги, сделаем несколько обобщающих выводов. Сопоставление лексикографических данных с текстовыми позволяет заметить, что конструкции *в хорошем смысле* или *в плохом смысле* используются говорящими именно для подчеркивания нестандартного, с точки зрения категории оценочности, употребления какой-то лексической единицы в тексте. Причем в большинстве случаев говорящие употребляли именно слова с отрицательной семантикой, как кажется, с целью придать им новый, положительный смысл. Это свидетельствует, на наш взгляд, о существовании определенной тенденции с точки зрения аксиосемантического анализа языка и текста, а именно: тенденции к переосмыслению элементов общепринятой системы ценностей и представлений.

Поэтому приходим к выводу, что на собранный материал стоит посмотреть еще и с точки зрения его семантического анализа. Однако в связи с отмеченным большим семантическим и морфологическим разнообразием собранных примеров мы решили выделить доминирующие тематические (а не — семантические) группы и попытаться на этом основании найти ответ на вопрос, какие сферы человеческой жизни и существования обладают особой способностью стимулировать говорящих к активизации такой нестандартной „обратной“ оценочной семантики, которая вербализируется с помощью выражений *в хорошем смысле* или *в плохом смысле*.

Проведенный семантический анализ как отдельных слов и выражений, являющихся семантической опорой интересующих нас в данной

статье конструкций, так и сопровождающих их контекстов, позволил сделать вывод о том, что большинство из них — 144 единицы — можно отнести к одной из двух основных тематических групп: к сфере широко понимаемой моральной, морально-психической, психической и интеллектуальной деятельности человека или же к сфере общественной жизни человека и ее составляющих.

К первой из названных тематических групп мы отнесли 88 единиц. Среди них были обнаружены следующие группы слов: названия моральных, морально-психических и интеллектуальных качеств человека: *авантюризм, бабство, высокое самомнение, педантичность, профессионализм, романтика, самолюбие, самоуверенность, терпимость, упрямство*; названия лиц по этим качествам: *авантюрист, ведьма, возмутитель, герой, реалист, странник, фанатик*; слова, характеризующие человека и / или другие объекты и факты действительности по этим качествам: *авантюрный, агрессивный, незащищенный, жалкий, идеальный, обреченный, ограниченный, отсталый, провокативный, противный, свободный, скромный, увлеченный, упрямый, хитрый*; названия действий и состояний, связанных со сферой нравственной и интеллектуально-психической жизни человека: *взять в оборот, впечатлить, врать, вынести мозг, завидовать, заводиться, любить себя, порадовать, поражать, протянуть ноги, пугать, совать свой нос, сожрать, тянуть одеяло на себя*; а также отдельные примеры отвлеченных понятий, связанных со сферой нравственности и психики: *авантюра, выгода, плесень, помпа*. Если посмотреть на данные слова с точки зрения морально-психических качеств человека, то доминирующими среди них будут группы, характеризующие эгоизм и высокую самооценку: *высокое самомнение, любить себя, самолюбие, самоуверенность, тянуть одеяло на себя*; смелость, и силу характера, противопоставляющиеся трусости или, наоборот, легкомысленному подходу к риску: *авантюра, авантюризм, авантюрист, бабство, незащищенный, герой, жалкий*; выражающие подчиненность или неподчиненность правилам: *возмутитель, провокативный, свободный*.

Ко второй группе можно отнести слова и выражения, которые своей семантикой связаны с общественной жизнью человека и ее проявлениями на разных уровнях, напр., со сферой этнического и территориального происхождения: *английскость, восточный, еврейский*, общественной и классовой принадлежности: *дама старой закалки, интеллигент, кулак, мещанин, мужик, обыватель, элитный*; профессиональной и экономической сферой деятельности человека: *академический, актерский, бюрократ, гастролер, карьера, конъюнктура, лоббистский, скоморох, служака, эконом*; или же со сферой политики: *демократизация, консервативный, либерально, националист, общественный, патриархальность, патристический, политик*.

Тематические группировки, как отмечают ученые, выходят за рамки языкового членения понятий, отражают внеязыковые аспекты их функционирования [Котцова 2002: 94]. С точки зрения нашего анализа, этот факт можно воспринимать как своего рода преимущество – выделенные тематические группы позволили заметить именно те сферы внеязыковой действительности, которые привлекают внимание говорящих и поощряют их к переосмыслению накопившихся в ментальном лексиконе носителей языка представлений о некоторых качествах, в частности таких, как эгоизм и уверенность в себе, смелость, трусость и подход к риску, подчиненность или неподчиненность правилам, а также о некоторых сферах жизни человека, связанных с общественной и классовой принадлежностью, экономикой, политикой и профессиональной деятельностью, или же национальным и этническим происхождением.

Употребление фраз *в хорошем смысле* или *в плохом смысле* показывает, что носители языка осознают динамику происходящих в языке семантических процессов и соотносят ее с динамикой общественно-культурных перемен. Они ищут новый подход к старым ценностям, пытаются придавать новый смысл устоявшимся в языке и общем сознании представлениям об определенных явлениях. Говорящие ситуативно актуализируют значения слов, обнаруживая тем самым более широкие процессы аксиосемантического характера.

Обобщенные результаты проведенного анализа позволяют сделать вывод о том, что присутствие конструкций *в хорошем смысле* или *в плохом смысле*, вербально указывающих на динамические процессы в сфере аксиосемантики определенных понятий, дает возможность наблюдать за динамикой социально-культурных перемен – изменений в оценке социальных, политических фактов, а также изменений в системе нравственных ценностей – и с этой точки зрения данный вопрос, на наш взгляд, требует дальнейшего, более подробного изучения.

Библиография

- А л е ф и р е н к о Н. Ф. 2003. *Проблемы вербализации концепта*, Волгоград: Перемена.
- К о т ц о в а Е. Е. 2002. *Лексическая семантика в системно-тематическом аспекте*, Архангельск: Поморский государственный университет им. М. В. Ломоносова.
- Новый словарь русского языка: толково-словообразовательный*. 2000. Ред. Т. Ф. Ефремова, т. 1-2, Москва: Русский язык.
- Толковый словарь русского языка*. 2006. Ред. С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова, Москва: ООО „А ТЕМП“.